

А. С. Гингер

ГИНГЕР Александр Самсонович [1897, Петербург — 28.8.1965, Париж] — поэт. Муж поэтессы А. С. Присмановой (с 1926).

Достоверных сведений о жизни до эмиграции не установлено. В Париже обосновался, видимо, в 1921. Один из членов учрежденной В. Я. Парнахом в Париже «Палаты Поэтов», участник ее первого вечера в кафе «Хамелон» (7 авг. 1921); входил и в др. парижские лит.-худож. объединения 1920-х: «Через», «Гатарapak», «Кочевье», Союз молодых поэтов и писателей в Париже. Принадлежал к числу «звезд раннего периода» (Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 237) эмигрантской поэзии. Одно стих. Г. («**Ветер**», 1922) было напечатано в СССР (Недра. М., 1924. Кн. 3. С. 132–133).

В издании «Палаты поэтов» вышла в свет первая книга стихов Г. «**Свора верных**» (Париж, 1922). Составившие ее 17 стих. свидетельствуют об усвоении уроков акмеистической школы с ее витальным пафосом и — шире — символистской поэтической традиции, от которой, однако, автор дистанцируется, подвергая негативному перетолкованию семантико-стилевые приоритеты, характерные для мифопоэтики модернизма: «Мой Петербург, родны мне все трущобы / Твоей зловонной, гнилой утробы — / Милей душе, чем сказки мудрецов» («**Мой Петербург**», 1913). Вторая книга стихов Г. «**Преданность**» (Париж, 1925) уже свидетельствовала о полном обретении поэтом своей,

резко необычной манеры самовыражения, которая, однако, многих озадачивала своим «юродством» — шокирующим сочетанием сарказма с шутовством, «крепкой, плавной и органической строки», «высокого тона» — с «чуждачествами, оригинальничаньем, нарочитым косноязычием», «суконными, умышленными оборотами речи» (Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Своими путями. Прага. 1926. № 12/13. С. 45). Заключая, что Г. «выразил лирически физиономию Смердякова», Б. Б. Сосинский (Б. С.), однако, признавал: «Прозаизмы, вулгаризмы и словесные вывихи у него внутренне оправданы. Содержание и форма, неприемлемые, может быть, в отдельности, воспринимаются как нечто законченное и цельное в своем соответствии друг другу» (Там же. С. 70). «Расстрепанный, придурковатый», «отчаянный, но жадный стих», по автохарактеристике самого Г., был способен к отражению глубокого поэтического волнения, целостного мировидения, ощущения приятия жизни, передаваемого в одически-торжественной тональности: «Я пылаю беспрестанной страстью / К дару, к дару, к радостной земле» («**Повесть**» // Преданность. С. 44, 45). За нарочитым отвержением устоявшихся поэтических норм, за пристрастием Г. к словесным «вывертам» и архаизмам таилось любовное отношение к фактуре русского языка, постижение его скрытых резервов и возможностей. «Русский язык был его страстью и заботой, едва ли не главным предметом его раздумий, размышлений и даже раздражений, — свидетельствует Г. В. Адамович. — Внимание к языку было у него неустанным, а чутье необыкновенно острое» (Об Александре Гингере // Мосты. 1966. № 12. С. 267).

В 1930-е Г. выступал с единичными прозаическими (рассказ «**Вечер на вокзале**» // Числа. Париж, 1930. Кн. 2/3) и экспериментальными опытами («**Рассказ часового**», имитация косноязычного сказа // Числа. Париж. 1933. Кн. 9), издал третью книгу стихов «**Жалоба и Торжество**» (Париж, 1939), в которой его индивидуальный поэтический облик выступал окончательно сформировавшимся. Заключавшее книгу стих. «**Сердце**» (1937) — один из шедевров эмигрантской поэзии, признание «о великом, о тайном», осеняющем «безграничное поле любви»; по замечанию Н. Д. Татищева («Солнце и сердце. О стихах Александра Гингера»), с этого стих. «начинается новая музыка и новая устремленность к общей всечеловеческой религиозности» (Возрождение. Париж. 1965. № 168. С. 116).

В кругу российских парижан Г. производил «впечатление блаженного» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 533), чудака, что, возможно, помогло ему, еврею, уцелеть в годы немецкой оккупации: будучи убежденным фаталистом, он остался в Париже, не скрывался, неоднократно чудом избегал ареста. Считал себя солнцепоклонником: «Отец мой, солнце, я с тобой сегодня / Лицом к лицу — / К тебе влекусь любовью и свободней, / Чем сын к отцу» (Памяти **Е. А. Баратынского** // Жалоба и Торжество. С. 8) — и буддистом; Г. Газданов передает в этой связи признания Г.: «Меня всегда привлекало это непрекращающееся пантеистическое движение, это понимание того, что ничто не важно и что важно все, этот синтез отрицания и утверждения, который дает нам единственную возможность гармонического видения мира. Собственно, не мира, а миров, которые возникают, исчезают, появляются вновь в преображенном виде, и время — это только бессильный свидетель их бесконечно-го смещения» (Памяти Александра Гингера // Новый ж. 1966. Кн. 82. С. 128). Похоронен Г. был по буддийскому обряду.

В послевоенные годы Г. выпустил в свет четвертую книгу стихов «**Весть**» (Париж, 1957), состоявшую из 12 стих. 1939–55, и итоговый сб. «**Сердце. Стихи. 1917–1964**» (Париж, 1965), включавший избранные 36 стих., в большинстве своем из ранее изданных книг, частично переработанные. В своеобразном риторико-молитвенном стиле Г., получившем новое развитие в «Вести», обнаруживались параллели как с поэзией русского авангарда (Ю. П. Трубецкой подмечал «какое-то тайное сродство с Хлебниковым, даже с Пастернаком» // Новый ж. 1957. Кн. 50. С. 286), так и с поэзией мысли Баратынского (В. Р. [В. А. Рудинский] // Возрождение. 1957. № 66. С. 130–131) и с одической стилистикой XVIII в.: «Его традиция державинская и отчасти футуристическая. Именно поэтому в Париже его как-то чуждались, хотя и признавали <...> муза Гингера — громкая, важная (в значении не современном, а в том, которое важности придавалось в 18-м веке). Гингер — торжественно вещающий энтузиаст этой своей важной музыки» (Ю. Иваск // Опыты. Нью-Йорк. 1957. Кн. 8. С. 135). Не созвучные основной тематико-стилевой и эмоциональной тональности эмигрантской поэзии, стихи Г. в ряду творческих опытов его современников — русских парижан — стояли особняком; Н. Д. Татищев обнаруживал ближайшую аналогию им не в поэзии, а в живописи М. Шагала, своеобразно-

го двойника Г.: «Оба они воспринимают этот мир и нашу жизнь под солнцем как некую радостную и невинную игру <...>. Все в этом искусстве настолько оригинально, что вряд ли кто-нибудь решится ему подражать <...> оба с первых же шагов нашли себя, свой стиль, как играющие дети» (Возрождение. 1965. № 168. С. 114).

Лит.: Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. Париж, 1980. С. 140–145; Померанцев К. Сквозь смерть: Воспоминания. Лондон, 1986. С. 53–60; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–74). Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 227–231; Чагин А. «Насквозь мужественный мир» А. Гингера // Евреи в культуре Русского зарубежья. Т. 4. Иерусалим, 1995.

А. В. Лавров

ГИНЗБУРГ Евгения Соломоновна (Семеновна) [7(20).12.1903, Казань — 25.5.1977, Москва] — прозаик.

Родилась в семье фармацевта. Окончив в июне 1924 казанский Восточно-педагогический ин-т, работала учительницей в школах Казани, затем ассистентом кафедры методики преподавания обществоведения Восточно-педагогического ин-та и ассистентом кафедры истории Западной Европы в татарском коммунистическом ун-те. К этому времени относятся первые опубликованные ра-

Е. С. Гинзбург